

Д.М. Бузаджи

Подлежащно-сказуемые и не подлежащно-сказуемые предложения в переводе

Статья посвящена сопоставлению английских предложений, имеющих подлежащно-сказуемую структуру (ПСП), с русскими предложениями, не имеющими формально выраженного подлежащего (НПСП). В статье показано, что русские НПСП в определенных контекстах семантически и функционально соответствуют английским ПСП и что недостаточное использование в переводе НПСП, а также предложений с невыраженным субъектом приводит к ошибкам стилистического характера.

Ключевые слова: предложения; подлежащно-сказуемые; безличные; неопределенно-личные; обобщенно-личные; активные; пассивные.

Как показывают наблюдения над переводческой практикой, серьезное расхождение между спектрами английского и русского языков¹ наблюдается в области, которую в русском языке занимают предложения без стандартного набора главных членов из подлежащего в именительном падеже и сказуемого. Эта асимметрия вызвана тем, что в английском языке, как правило, нет прямых соответствий не подлежащно-сказуемым предложениям, функции которых в английском языке

¹ Есть основания полагать, что в отечественной школе перевода идея языкового спектра (ЯС) появилась в среде учеников и последователей переводчика И. А. Кашкина. Сам термин «языковой спектр» («спектр языка») был введен в научный обиход М. Д. Литвиновой. Мы понимаем под языковым спектром совокупность частотно-узальных характеристик единиц на всех уровнях языка в пределах конкретно взятого стиля, жанра и тематической области.

выполняют конструкции с формально выраженными субъектом и предикатом.

Согласно академической грамматике русского языка, в интересующей нас группе предложений оказываются, во-первых, однокомпонентные предложения, а во-вторых, двукомпонентные не подлежащно-сказуемые (НПСД) (например, *Следует подождать; Хочется узнать; Пора ехать, Нельзя оставаться; Жаль времени; Подтверждения не получено; Много дел*) [16, с. 95–96]. В этой статье мы выборочно рассмотрим некоторые виды этих предложений, их английские соответствия и связанные с ними проблемы перевода.

Однокомпонентные предложения

Неопределенно-личные предложения (типа *Стучат; ...Его судили... осудили, лишили чинов, дворянства, сослали в Сибирь. Потом простили... вернули* (И. С. Тургенев)) носителями русского языка часто воспринимаются как аналоги английских предложений типа *They're going to widen the road soon*. Однако на самом деле русские неопределенно-личные предложения, в которых подлежащее «намеренно устранено... намеренно представлено как неизвестное, неопределенное» [14, с. 371], могут использоваться для передачи гораздо более широкого спектра явлений, например для перевода английских конструкций в пассивном залоге. Достаточно вспомнить надписи на домике Совы в «Винни-Пухе» А. А. Милна:

PLEASE RING IF AN RNSER IS
REQUIRD...

ПРОШУ НАЖАТЬ ЭСЛИ НЕ
АТКРЫВАЮТ...

PLEASE SNOKE IF AN RNSR IS NOT

ПРОШУ ПАДЁРГАТЬ ЭСЛИ НЕ

REQID [10, с. 53].

АТКРЫВАЮТ [11, с. 340].

Неопределенно-личные конструкции позволяют избежать в переводе нагромождения причастий, которое создает грамматически буквальная передача пассивного залога, например:

The faulty Monk **was turned out** into the desert where it could believe what it liked, including the idea that it **had been hard done by** [19, с. 5].

Неисправный Монах **был заменен** новой моделью и **изгнан** в пустыню, где мог верить во что угодно и сколько угодно, в том числе и в то, что с ним обошлись чертовски несправедливо [1].

Перевод *had been hard done by* как *с ним обошлись чертовски несправедливо* как раз иллюстрирует то, что мы говорили выше, а первую часть предложения можно было бы облегчить следующим образом: «Неисправного Монаха **заменили** новой моделью и **изгнали** в пустыню, где он...».

Если неопределенно-личные конструкции часто оказываются оптимальным вариантом для передачи пассивного залога с неназванным деятелем, то при упомянутом деятеле естественной для немаркированной русской речи будет замена пассивной конструкции на активную, например:

Holidays came and holidays went, and Black Sheep **was taken to see** many people whose faces were exactly alike; **was beaten** when occasion demanded,

Приходили и уходили каникулы. Паршивца **водили** по разным людям, похожим друг на друга, как две капли воды, и **пороли** по тому

and **tortured by Harry** on all possible occasions, but **defended by Judy** through good and evil reports, though she hereby drew upon herself the wrath of Aunt Rosa [26, с. 171].

или иному поводу, и решительно по всякому поводу **истязал его Гарри**, зато стойко **защищала Джуди**, хотя и навлекала тем на себя немилость тети Анни-Розы [9, с. 100].

При переводе неопределенно-личных предложений с русского языка на английский также наблюдается определенная асимметрия между ними и английскими предложениями типа *they do*. Рассмотрим следующий пример, позаимствованный из сообщения российского новостного агентства и его перевода на английский:

Как **отмечают** в пресс-центре, на региональной экспозиции в рамках Российской национальной выставки были представлены инновационные проекты по созданию и выпуску ветеринарных препаратов (REGNUM, 5.12.2008).

As they say at the press center, innovative projects to launch and produce veterinary medicines... were presented at the regional exhibit within frameworks of the Russian National Exhibition (REGNUM, 5.12.2008).

В оригинале использована привычная в газетно-публицистическом стиле неопределенно-личная формулировка, указывающая на пресс-центр как на источник нижеследующей информации. Точнее говоря, на отдельных сотрудников или даже на сотрудника пресс-центра, но не обязательно на пресс-центр как цельную организацию (ср.: *В Думе критикуют новый законопроект. – Дума критикует новый законопроект*).

В английском переводе смысл и стиль предложения оказались иными. Во-первых, начало *As they say* звучит как неуместно разговорное в контексте новостного сообщения. Во-вторых, вместо указания на

неопределенный источник в пресс-центре появилось сообщение о том, как вообще говорят в пресс-центре или что́ его сотрудники обычно обсуждают между собой. По духу и смыслу получился зачин вроде следующего: «Его очень немного уважали, или, **как говорят** в каторге, “ему очень немного уважали”» (Ф.М. Достоевский). Стилистически и фактически более приемлемым вариантом было бы предложение с «пресс-центром» в роли подлежащего, например *The press center said/informed that...* или с отсылочным оборотом типа *according to the press center*.

В безличных предложениях, как отмечает А. М. Пешковский, «подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли» [14, с. 343]. Они, как правило, описывают состояние внешней среды, состояние живого существа и т. п. При переводе таких предложений с русского языка на английский серьезных нарушений ЯС обычно не происходит, так как переводчик вынужден менять синтаксическую структуру, например:

- Вспомни, как **мне пришлось** из-за вас снимать со стен щиты с вензелями императора, перемещать войска, **пришлось**, видишь, самому приехать, глядеть, что у вас тут творится! [3, с. 114]
- Remember how thanks to you **I was made to** remove the shields with the imperial cipher from the walls, to transfer troops, to come and take charge here myself! [20]
- Remember how on account of you **I had to** remove the shields with the emperor's insignia from the walls, had to transfer troops, had, as you see, to come in person to look into what goes on with you here! [21]

Однако при переводе с английского языка на русский переводчики часто забывают о возможностях, которые дают безличные предложения:

He [речь идет о призраке – Д.Б.] **Бедняга почувствовал спазм**
retched at the horror of what he had **рвоты** от всего, что видел, но его не
seen, but there was, of course, nothing **вырвало**, ибо желудок был пуст [1].
in his stomach [19, с. 226].

В данном случае безличный глагол позволил бы переводчику обойтись без утяжеления текста за счет медицинской терминологии: «От всего, что он увидел, **его** страшно **мутило**, но в желудке, само собой, было пусто, и облегчить его не было никакой возможности». Теоретически это обосновано тем, что, как отмечает М. А. Аполлова, «в английском предложении всегда присутствует выраженное личной формой подлежащее, даже в тех случаях, когда предложение является безличным по смыслу. Грамматически безличных предложений в английском языке нет. Однако самая категория безличности есть и в русском и в английском языках» [2, с. 24].

Среди так называемых не спрягаемо-глагольных классов однокомпонентных предложений мы обратим особое внимание на предложения наречного типа, грамматической основой которых служит предикативное наречие или предложно-падежная форма имени, имеющая наречное значение (например: *Обидно получилось* или *Здесь по колено*).

При переводе таких предложений на английский язык, как и в случае с безличными предложениями, переводчик вынужден использовать подлежащно-сказуемостную структуру, например:

- – Нехороший человек этот Филипп Филиппыч, – вздыхает Соня. – Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... **И мне стало так неприлично!** [18, с. 130]

- “He is a horrid man, that Filipp Filippitch,” sighs Sonya. “He came into our nursery yesterday, and I had nothing on but my chemise... And **I felt so improper!**” [28]
- “That Philip Philipovitch isn’t nice,” sighs Sonia. “He came into the nursery yesterday, and I was only in my chemise. **I was so ashamed!**” [22, с. 97]
- “I don’t like that old Philip,” says Sonya, with a sigh. “Do you know, he came into the nursery yesterday when I had nothing on but my night-dress... **I felt so embarrassed!**” [23, с. 85]

Что же касается обратного направления перевода, то рекомендация переводчикам также заключается в том, чтобы в подходящих случаях пользоваться наречными предложениями, которые позволяют дать компактный, точный и выразительный вариант.

Двухкомпонентные предложения

Особое внимание стоит обратить и на русские предложения, в которых позицию первого компонента занимают предикативы и фразеологизмы с модальными значениями возможности, целесообразности, волеизъявления, своевременности (*можно, нельзя, надо, пора, рано, (не)охота лень, незачем, жаль* и др.). При переводе с английского языка на русский переводчики часто пренебрегают этими конструкциями, повторяя схему английского языка с подлежащим и с модальным глаголом:

Оригинал	Перевод	Возможная правка
The fourth member was a woman. All I could see of her was her pale and ringless hand [30, с. 74]	Четвертой была женщина. Все, что я мог видеть, – это ее бледная, без колец рука [5, с. 66]	Позади всех поднималась женщина. Видно было только ее руку – бледную и без колец
“ May I ask where you’re moving to?” I said [30, с. 97]	– Могу ли я спросить, куда вы направляетесь? [5, с. 80]	– Можно ли узнать, куда вы уезжаете?
I just need to know that Richard is on the case. I mean really on the case. I can ask him, and he says, Oh sure, it’s fine, but half the time... [19, с. 48]	Я хочу быть уверенным, что Ричард этим займется. Я хочу сказать, по-настоящему займется. Я могу сам попросить его, но он мне, разумеется, ответит: «Да, конечно», как всегда отвечает... [1]	Надо , чтобы Ричард занялся «Гимном». Занялся по-настоящему. Когда я его спрашиваю, он говорит, что, мол, все идет прекрасно, но...

Стоит обратить внимание и на то, что указание на субъект действия, выраженное в английском языке подлежащим, при переводе с помощью НПСР может сохраняться (обычно в виде существительного или местоимения в дательном падеже), а может и быть опущено. В первом из приведенных выше примеров такое указание логичнее снять, так как говорящий – единственный, кто наблюдает за поднимающимися по лестнице, и вариант *Видно было только ее руку* в достаточной степени указывает на то, кому было видно. С другой стороны, если указание на

деятеля сохранить (*Мне было видно...*), может сложиться впечатление, что затем последует противопоставление (*А им было видно...*).

Примером того, как эти и другие НПСП используются для передачи стандартных подлежащно-сказуемых предложений английского языка, могут стать два нижеследующих перевода:

- Punch was the extra about the house. There was no special place for him or his little affairs, and **he was forbidden** to sprawl on the sofas and explain his ideas about the manufacture of this world and his hopes for the future. Sprawling was lazy and wore out sofas, and little boys **were not expected to talk**. They **were talked to**, and the talking to **was intended** for the benefit of their morals [26, с. 159].
- Понч был лишним мальчиком в доме. Здесь не было определенного места для него и для его маленьких дел, и ему **было запрещено** забираться на диван и рассказывать о своих планах и надеждах на будущее. Валяются по дивану только лентяи, и от этого портится диван, а маленьким мальчикам **нечего много разговаривать**. Они **должны слушать то, что им говорят, и поступать так, как им приказывают** [8, с. 238].
- Панч оказался в доме сбоку припека. Для него и его нехитрых занятий места отведено не было, и валяться по диванам и излагать свои соображения насчет того, как устроен этот мир и чего лично он, Панч, ожидает от будущего, **ему запрещали**. Валяются одни лентяи, и нечего протирать обивку, и **нехорошо, когда маленькие столько разговаривают**. Пусть лучше слушают, что им говорят большие, так как **говорится это в назидание им и во благо** [9, с. 77].

В оригинале использованы четыре пассивные конструкции с неназванным субъектом. Употребление пассива в данном случае

подчеркивает дистанцию между миром взрослых и миром детей, авторитетность и всеобщность указаний, поступающих из мира взрослых. С одной стороны, такой эффект создает сама семантика синтаксической конструкции: назван только объект действия, тогда как за субъектом видится не конкретное лицо, а некий непреложный закон (ср.: в русском языке: *Я тебе говорил сюда не входить – Говорили тебе сюда не входить*). С другой стороны, пассив, больше свойственный книжному языку, звучит суше, строже и авторитетнее активных конструкций.

В первом переводе для воссоздания коммуникативного эффекта также использован пассив со страдательным причастием (*было запрещено*), двукомпонентное НПСП с предикативом *нечего* и подлежащно-сказуемое предложение с предикативом *должен*, передающим ту же модальность обязательности. Во втором переводе использовано неопределенно-личное предложение, однокомпонентное НПСП с предикативным наречием *нехорошо*, побудительное предложение с частицей *пусть* (и опущенным субъектом *они*) и пассив со страдательным глаголом. Отметим, что НПСП с предикативом *нечего* во втором переводе тоже используется, но для передачи другого фрагмента той же ситуации (*нечего протирать обивку*).

Еще один тип НПСП, о котором стоит помнить переводчикам, – это предложения типа (*Мне*) *хочется*, которым, как и предложениям типа (*Я*) *хочу*, в английском языке грамматически соответствует одна конструкция – *I want*. В нижеследующем примере сохранение подлежащно-сказуемой конструкции привело к неестественности диалога:

Still dancing, counting one to three, I ask, does she have the same kind of dreams?

Танцую и считая от одного до трех, я спрашиваю, видит ли она такие же сны.

“A little bit,” she says. “Not very much. More and more all the time. More than **I want to**” [27, с. 213].

«Немного, – отвечает она. – Не слишком много. Но с каждым днем все больше и больше. Больше, чем **я хотела бы**» [12].

В другом переводе была сделана попытка приблизиться к естественности:

Мы по-прежнему кружимся в вальсе, и я спрашиваю у нее: а ей самой снятся такие сны?

– Так, иногда, – отвечает она. – Не слишком часто. Но с каждым годом все чаще и чаще. Гораздо чаще, чем **мне бы хотелось** [13, с. 229].

И все-таки более удачным представляется вариант без указания на субъект действия, например:

– Иногда, – отвечает она. – Не так чтобы очень часто, но чем дальше, тем чаще. Чаще, чем **хотелось бы**.

При переводе с русского на английский начинающие переводчики часто нарушают спектр переводящего языка (ПЯ), пытаясь передать НПСП при помощи наиболее «безличных» конструкций с формальным подлежащим *it*. В результате нейтральные по тону вопросы, указания, рекомендации и т. п. (*Здесь можно оставить сумки?*, *Брать с собой еду необязательно*) превращаются в тяжеловесные канцелярские обороты, которые создают впечатление официозности и подчас невежливости (*Is it allowed to leave bags here?* (ср.: *Can I leave my bags here?*) или *It is not*

necessary to bring your food with you (ср.: *You don't have to bring your food with you*)).

Небезынтересно отметить, что однокомпонентные и двукомпонентные не подлежащно-сказуемые предложения разными исследователями (возможно, под влиянием идей А. Вежбицкой) упоминаются в качестве характерной приметы русского мышления, русской картины мира. Приведем характерную цитату: «Такие полярные понятия, как “активная деятельность” и “пассивная созерцательность”, “личная ответственность” и “покорность судьбе”, не только проявляются в разном образе жизни русских и американцев, но глубоко вошли и в их культуры, и в языки. Они отчетливо проступают в грамматических конструкциях этих языков. Американский английский изобилует сотнями конструкций, в которых подчеркнуто выражен деятель, но беден неопределенно-личными и безличными выражениями. “Активные” языковые конструкции плюс “позитивное мышление” создают “активный” лингвокультурный обиход. С первого класса американцев учат употреблять в устной и письменной речи активный, а не пассивный залог. “Активные” элементы языка и культуры, реагируя друг с другом, формируют специфический американский менталитет. Любое правило, конечно, не без исключений. Некоторые стилистические слои английского языка перенасыщены пассивными оборотами, как, скажем, научная речь (*The experiment was conducted*) или язык дипломатии (*Agreement was reached between the parties*). Что касается русского языка, то сама его структура тяготеет к безличности, когда не субъект “делает” что-то по отношению к кому-то или чему-то, а, напротив, “что-либо делается” по отношению к субъекту. Многочисленные русские конструкции с существительным/местоимением в дательном падеже (“трудно”), модальными словами (“нужно”, “нельзя”), отрицательными инфинитивными конструкциями без модальных слов (“не бывать”, “не видать”), возвратными глаголами (“не спится”, “не работается”),

односоставные безличные предложения (“моросит”, “погромыхивает”) могут выражать как действия, так и состояния, и подчеркивают инертность субъекта» [4, с. 73–74].

Вопросы культурологи, национальной психологии и т. п. находятся за рамками темы настоящей статьи, однако, если рассматривать подобные конструкции с чисто переводческой точки зрения, можно заметить, что, при всем различии спектров английского и русского языков в данной области, смысл, выражаемый русскими НПСП, ничем не отличается от смысла английских «активных» предложений с подлежащим и сказуемым. И вне зависимости от направления перевода отказ от принятых в ПЯ способов описания тех или иных ситуаций приводит к возникновению нежелательных дополнительных смыслов и к нарушению коммуникации.

Так, в предложении «“Oooh, Mr Jeb,” **I heard myself saying**. “Poor Mr Jeb”» (У. Бойд, «Браззавильский пляж»¹) грамматическая форма выделенного фрагмента вряд ли говорит об «активности» субъекта – это просто оболочка, заключающая в себе сообщение о непроизвольном действии (отсюда не *I said*, а *I heard myself saying*). Сравним два перевода этого отрывка:

«Ох, Мистер Джеб, – **услышала я собственный голос**. – Бедный Мистер Джеб» (перевод Е. С. Дунаевской²).

«Да как же это, Мистер Джеб, – **невольнo вырвалось у меня**. – Бедный, бедный Мистер Джеб» (перевод Ф. Д. Псурцева [15, с. 48]).

В первом переводе идея непроизвольности многократно усиливается и дополняется отсутствующим в оригинале указанием на то, что персонаж утратил чувство реальности происходящего, стал воспринимать себя как

¹ Цит. по [15, с. 48].

² Цит. по [15, с. 48].

постороннего человека. Во втором благодаря безличной конструкции удалось сохранить коммуникативное намерение автора оригинала.

Богатый материал для анализа ЯС предоставляют всевозможные вывески и объявления. Подобные тексты пишутся клишированным языком, они безоценочны, неэкспрессивны и рассчитаны на то, чтобы легко читаться и быстро и верно интерпретироваться. Соответственно стратегия при переводе таких текстов должна заключаться в том, чтобы найти функционально сопоставимые клише в ПЯ и максимально приблизить текст перевода по грамматическому и лексическому составу к вывескам и объявлениям, привычным для носителей ПЯ. Однако, как правило, переводят подобные тексты не профессиональные переводчики, а сотрудники фирм и организаций, которым эти вывески принадлежат. Это зачастую приводит к тому, что переводы делаются дословно, без ориентации на спектр ПЯ и обрастают непредусмотренными смысловыми оттенками.

Так, например, когда посетители посольства США в Москве сдают вещи в камеру хранения, они получают карточку-номерок со следующей надписью явно переводного происхождения:

Ваши вещи будут **Вам** возвращены при предъявлении ЭТОЙ КАРТОЧКИ при выходе из посольства. По истечении недели **Ваши** вещи не будут **Вам** возвращены.

Из-за излишней персонализации, навязчивых местоимений *Вы/Ваши* (очевидно, автоматически подставленных на место английских *you/your*) надпись приобретает нежелательный подтекст. Складывается впечатление, что все написанное относится только к конкретному человеку, держателю данного конкретного номерка. Более того, последнее предложение может быть истолковано так, что через неделю по этому номерку могут выдать

чьи-то чужие вещи или же что вещи держателя номерка могут по истечении этого срока быть отданы кому-то другому.

Другое объявление на территории того же посольства из-за неуместного указания на субъект действия приобрело оттенок даже несколько невежливый (вместо бесстрастного оповещения – придирка к конкретному человеку):

Перед входом **Вам** необходимо снять брючный ремень и верхнюю одежду.

Исправленные варианты обоих текстов могли бы выглядеть так:

Оставленные в камере хранения вещи выдаются при предъявлении карточки на выходе из посольства. Вещи, не востребованные в течение недели, возвращаться не будут.

Перед входом снимите брючный ремень и верхнюю одежду.

Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» придерживаются своего, нетрадиционного подхода к классификации предложений и предлагают, в частности, выделять категорию инволютивных предложений, которые объединяет «общее, инвариантное грамматическое значение – независимость предикативного признака от воли субъекта – его носителя, произвольность, инволютивность» [7, с. 124]. Инволютивные предложения авторы делят на предложения с личным субъектом (названным или неназванным) (например: *(Мне) не пишется, (Мне) чудится, (Мне) тревожно*) и предложения с неличным субъектом (названным или неназванным) (например: *(В квартире) тихо, (Водой) размыло берег, Дернуло тебя спорить*).

Как видим, в русском языке наблюдается следующая тенденция: в предложениях с пассивным, не действующим субъектом, выражающих не активное действие, а процесс, совершаемый помимо воли субъекта, субъект чаще выражен именем в косвенном падеже (т.е. не подлежащим) при безличном глаголе. В английском языке, безусловно, тоже есть средства обозначения инволютивного действия, но важно отметить, что формально они зачастую мало отличаются от конструкций, передающих активное действие. Сравним два примера:

Lloyd George was believed to have **had the beer diluted** in pubs near centres of ammunition-production during the first world war, in order to keep the wheels of the home front turning without a hiccup (Times, 09.07.93).

Each year millions of animals **have disagreeable things done to them** in the nation's laboratories (Newsweek, 09.08.82).

Формально в обоих случаях мы имеем дело с одной и той же конструкцией – сложным дополнением с предикативным членом, выраженным неличной формой глагола (complex object). Однако между примерами есть принципиальная семантическая разница: если в первом случае действие в дополнении (относящееся к субъекту всего предложения) совершено по воле субъекта, то во втором случае действие совершается без и даже против воли субъекта. Это различие отражается в возможном переводе:

Говорят, во время Первой мировой войны Ллойд Джордж **распорядился, чтобы** в пабах, находящихся в центрах военной

промышленности, пиво **разбавляли** водой. Вот пример трезвого подхода к организации трудового фронта.

Каждый год в лабораториях США с миллионами животных **проделывают** пренеприятнейшие вещи.

В первом переводе мы использовали активную, акциональную конструкцию, во втором – неопределенно-личное предложение. Иными словами, семантическое различие, на которое в оригинале указывает только контекст, в переводе выражено синтаксически. Однако в первом примере можно было бы также использовать неопределенно-личную конструкцию, указав на активность субъекта лексически (например: *по его распоряжению пиво разбавляли*).

Отметим, что в некоторых случаях английские предложения со сложным дополнением (формально активные) могут соотноситься и с русскими безличными предложениями (формально пассивными), например: *The writer couldn't get his story started* – *Писателю не писалось*.

Как и в примере из «Браззавильского пляжа», мы видим, что в оригинале активность субъекта имеет чисто формальный характер. Разумеется, перевод *Писатель никак не мог начать писать* тоже возможен, однако, если смотреть на данную проблему шире, с точки зрения языковых спектров, то постоянное употребление в переводе активных конструкций там, где контекстуально более уместны конструкции инволютивные, приводит к стилистическим натяжкам.

Обобщенно-личные предложения

В заключительной части статьи мы обратим внимание еще на один тип предложений, характерных для русского языка. Речь идет о

предложениях с обобщенно-личным значением (типа *Всего не предусмотришь*). Строго говоря, они относятся к подлежащно-сказуемым предложениям с подлежащим – местоимением 2-го лица, однако в речи реализуются, как правило, с опущением подлежащего. Особенность обобщенно-личного значения в том, что действие или состояние приписывается любому, всякому субъекту [16, с. 245].

Можно сказать, что в общих случаях в английском языке русским обобщенно-личным предложениям в бесподлежащей реализации соответствуют предложения с формально выраженным подлежащим – местоимением *you* или *one*, например:

- – О, город Ершалаим! Чего только не **услышишь** в нем [3, с. 100].
- “Oh, city of Jerusalem! What tales **you** have to tell!” [20]
- “Oh, city of Yershalaim! What does **one** not hear in it!” [21]

А. М. Пешковский отмечает, что в предложениях обобщительного типа «в форму обобщения облакаются нередко чисто личные факты, носящие глубоко интимный характер» [14, с. 375]. «В этих случаях, – пишет ученый, – обобщительная форма сочетания получает глубокое жизненное и литературное значение. Она является тем м о с т о м, который соединяет личное с общим, субъективное с объективным. И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ перед всеми, тем охотнее он облакает его в форму обобщения, переносящую это переживание на в с е х, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повествованием, чем при чисто личной форме» [14, с. 375–376].

В тех случаях, когда обобщенно-личная форма используется для сообщения о глубоко личных вещах, в переводе на английский логично возникает форма первого лица, например:

После молитвы **завернешься**, бывало, в одеяльце... **Вспомнишь**, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи... и так жалко станет, так **полюбишь** его, что слезы потекут из глаз, и **думаешь**: «Дай бог ему счастья... я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку – зайчика или собачку – **уткнешь** в угол пуховой подушки и **любуеться**, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще **помолишься** о том, чтобы дал бог счастья всем... **повернешься** на другой бок... и **уснешь** тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом [17, с. 54].

After saying my prayers **I would wrap** myself up in the bedclothes... I remember, too, that **I used to think** about Karl Ivanitch and his sad lot... and so much **did I love** him, that tears would fall from my eyes as **I thought**, “May God give him happiness... I could make any sacrifice for him!” Usually, also, there would be some favourite toy – a china dog or hare – stuck into the bed-corner behind the pillow, and **it would please me to think** how warm and comfortable and well cared-for it was there. Also, **I would pray** God to make every one happy... Then **I would turn** myself over on to the other side... until at last **I slept** soundly and peacefully, though with a face wet with tears [29].

Стоит обратить внимание на то, что идея повторяемости, обычности действия, которая присутствует в русских обобщенно-личных предложениях, в данном случае эксплицитно выражена при помощи конструкций с *would* и *used to*.

В другом примере описываемые события носят менее сокровенный, менее личный характер, поэтому у разных переводчиков встречаем разные решения: от *you* до *I/we*:

- И уж так **уморишься**, играя, что просто ни на что не похоже. Как **взбежишь** по лестнице к себе на четвертый этаж – **скажешь** только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» [6, с. 46].
- **You can practically kill yourself** playing cards, you wouldn't believe it. I mean **you run** up the stairs to the fourth floor, and **you can** just about **manage to say** to the cook: “Here, Mavra, old girl, take my coat...” [25, с. 47].
- Sometimes we keep on playing until **we're ready to drop**. **I just have enough strength to dash up** the stairs to my fourth-floor flat and **say** to the cook: “Take my coat, Mavrushka...” [24, с. 62].

При переводе предложений с обобщенно-личным значением с английского языка на русский копирование исходной синтаксической структуры с формально выраженным подлежащим зачастую приводит к тому, что такие высказывания теряют не только способность выражать «глубоко интимные» факты, но и всякую естественность вообще:

What **you forget** when **you're planning** a hijack by yourself is somewhere along the line, you might need to neglect your hostages just long enough so you can use the bathroom [27, с. 287].

Когда **ты планируешь** угон самолета самостоятельно, **ты** всегда **забываешь**, что когда-то в пути может захотеться сходить в туалет, и на это время заложники останутся без присмотра [12].

Ср.: «Когда **планируешь** захватить самолет, почему-то **тебе не приходит в голову**, что на каком-то этапе у тебя, вероятно, возникнет необходимость оставить заложников без присмотра на пару минут – чтобы сходить в туалет» [13, с. 310].

Или:

Whether **you clean** a stain, a fish, a house, **you want** to think **you're making** the world a better place, but really **you're just letting** things get worse. **You think** maybe if **you just work** harder and faster, **you can** hold off the chaos, but then one day **you're changing** a patio lightbulb with a five-year life span and **you realize** how **you'll only be changing** this light maybe ten more times before **you'll be** dead [27, с. 263].

Если **ты чистишь** пятно, рыбу, дом, **тебе хочется** думать, что **ты улучшаешь** мир, но на самом деле **ты** всего лишь **позволяешь** вещам становиться хуже. **Ты думаешь**, что если работать лучше и быстрее, то, возможно, удастся сдержать хаос. Но в один прекрасный день, **меняя** во внутреннем дворике лампочку, которая прослужила пять лет, **ты понимаешь**, что за всю оставшуюся жизнь сможешь поменять не более десяти таких лампочек [12].

Мы бы предложили перевести этот фрагмент таким образом:

Когда **выводишь** пятно, **чистишь** рыбу, **убираешь** дом, хочется думать, что **меняешь** мир к лучшему. Но на самом деле **все** только **становится** хуже. **Убеждаешь** себя: если **приналечь** на работу, может, **удастся** сохранить все как есть, уберечь от разрушения. Но в один прекрасный день, **вкручивая** в садовый фонарь очередную лампочку, которая перегорает раз в пять лет, вдруг **понимаешь**: а ведь за всю жизнь **тебе осталось сменить** эту лампочку раз десять, не больше.

Таким образом, в последнем примере десять двукомпонентных подлежащно-сказуемых предложений с формально выраженным подлежащим *you* были переданы на русский язык с помощью обобщенно-личных предложений в бесподлежащной реализации, а также инфинитивной конструкцией в позиции условного придаточного предложения (*если приналечь*), двумя двукомпонентными НПСП (*удастся сохранить, осталось сменить*) и деепричастным оборотом (*вкручивая лампочку*). Причем практически нигде указания на субъект действия не потребовалось.

Выше мы говорили о типичных ошибках, совершаемых при переводе объявлений и вывесок. Тексты реклам, в основном переводные и плохо адаптированные прагматически, также представляют собой богатый материал для анализа расхождений между спектрами языков и причин переводческих неудач. Например, девиз, под которым фирма «Жилетт» продает бритвенную систему «Фьюжн Пауэр Фэнтوم», звучит так: «You'll barely feel the blades». Имеется в виду, что бритье с помощью этой системы будет настолько приятным, что человек почти не почувствует прикосновения лезвий. Английская конструкция построена вполне узуально и выглядит как совет знающего человека (который, возможно, сам уже опробовал новинку).

Русский перевод, который можно увидеть на рекламных материалах, звучит следующим образом: «Ты почти не почувствуешь лезвий». Неудивительно, что в Интернете можно найти отзывы на эту рекламу вроде следующих: «...Замечаю рекламный плакат, на темном фоне текст “Ты почти не почувствуешь лезвий”. Первая мысль – где же портрет Фредди Крюгера из фильма “Кошмар на улице вязов”. Оказалось реклама какой-то бритвы», «Бррр. Это только у меня кровавые ассоциации возникают или креативщики действительно перестарались?» или «Почему-

то кажется, что произносить его должен маньяческого вида дядечка с опасной бритвой (а то и с двумя)»¹.

Избежать ассоциаций, прямо противоречащих коммуникативному эффекту, которого хотели добиться авторы рекламы, можно было бы за счет использования обобщенно-личной конструкции, например: «Лезвий совсем не чувствуешь».

Отечественные лингвисты выделяют различные принципы классификации простого предложения в русском языке. Таким образом, трактовки односоставных и двусоставных предложений и их конкретных типов у разных ученых разнятся. Мы же попытаемся, осмыслив то общее, что объединяет все подходы, сформулировать практические рекомендации для переводчика, работающего с парой языков «английский – русский».

Как представляется, основные различия между английскими и русскими предложениями состоят в следующем:

1. Английские предложения непременно имеют подлежащее, тогда как соответствующие им в функциональном плане русские предложения могут его не иметь: *It is beautiful here – Здесь красиво.*
2. В русском языке указание на субъект действия опускается чаще (так как субъект задан контекстом или самой синтаксической конструкцией, неважен или неизвестен): *Пойдешь, бывало, на пляж – Опять наверху стучат – Хочется пить – Пойду домой: пора обедать – Лампочку включить? – Повалило все деревья* и т. д.
3. В русском языке богаче способы указания на субъект действия, отличные от позиции формального подлежащего: *Мне холодно*

¹ Орфография и пунктуация авторов сохранены.

– **В этом доме** всегда рады гостям – **У него** не решается
задача – **Волной** унесло лодку и т. д.

4. В английском языке из-за особенностей грамматического строя субъект действия чаще занимает позицию подлежащего, причем сообщения об инволютивных действиях чаще формально схожи с сообщениями, указывающими на осознанное, намеренное действие: *I felt pain* – *He got his licence revoked* – *She heard herself saying* и т. д.

Таким образом, прежде чем выбирать ту или иную синтаксическую модель в ПЯ, переводчику следует определить, является ли субъект активным деятелем или пассивным участником процесса/носителем определенного состояния, и установить, необходимо ли в данном случае включать в переводное предложение указание на субъект. Следуя этому принципу, переводчик сможет обеспечить сохранение в переводе коммуникативного эффекта без искажений спектра ПЯ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамс Д.* Детективное агентство Дирка Джентли / пер. с англ. Т. Шинкарь [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/ADAMS/gently_1.txt.
2. *Аполлова М. А.* О системном подходе к языку // Тетради переводчика. – Вып. 10. – М.: Международные отношения, 1973. – С. 14 – 29.
3. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита // Сочинения в 4 т. – Т. 4. – М.: Вагриус, 2003. – С. 81 – 477.
4. *Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. – М.: Р.Валент, 2003. – 190 с.

5. *Воннегут К.* Мать Тьма / пер. с англ. Л. Дубинской и Д. Кеслера. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 192 с.
6. *Гоголь Н. В.* Ревизор // Собрание сочинений в 7 т. – Т. 4. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 5 – 92.
7. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.
8. *Киплинг Р.* Бя-а, бя-а, черная овца / пер. с англ. Е. Н. Нелидовой // Собрание сочинений в 6 т. – Т. 4. – М.: ТЕРРА, 1996. – С. 227 – 264.
9. *Киплинг Р.* Мэ-э, паршивая овца... / пер. с англ. М. Кан // За чертой. – М.: АСТ, 2006. – С. 65 – 108.
10. *Милн А.* Повести о Вини Пухе. Стихи для детей: На англ. яз. – М.: Радуга, 1983. – 448 с.
11. *Милн А.А.* Винни-Пух и Все-Все-Все / пересказ с англ. Б. Заходера // Заходер Б. В. Стихи и сказки. – М.: Детская литература, 1988. – 591 с.
12. *Паланик Ч.* Уцелевший / пер. с англ. И. К. Тимофеева [электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.lib.ru/INPROZ/PALANUK/survivor.txt>.
13. *Паланик Ч.* Уцелевший / пер. с англ. Т. Ю. Покидаевой. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. – 315 с.
14. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
15. *Псурцев Ф. Д.* Некоторые закономерности воспроизведения пространственных описаний при переводе (на материале отрывка из романа У. Бойда «Браззавильский Пляж»): Дипломная работа, подготовленная на кафедре перевода английского языка переводческого факультета МГЛУ. – М., 2004. – 106 с. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thinkaloud.ru/grad/psurtsev-grad.doc>.

16. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. Синтаксис. – 709 с.
17. Толстой Л. Н. Детство // Собрание сочинений в 22-х т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 11 – 107.
18. Чехов А. П. Детвора // Избранные произведения в 3 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1964. – С. 128 – 133.
19. Adams D. Dirk Gently's Holistic Detective Agency. – London: Pan Books, 1988. – 247 p.
20. Bulgakov M. A. The Master and Margarita / translated from the Russian by M. Glenny [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/BULGAKOW/master_engl.txt.
21. Bulgakov M. A. The Master and Margarita / translated from the Russian by R. Pevear and L. Volokhonsky [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/BULGAKOW/master97_engl.txt.
22. Chekhov A. Children / translated from the Russian by M. Fell // Selected Stories. – Herefordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1996. – pp. 95 – 100.
23. Chekhov A. Kids / translated from the Russian by P. Miles and H. Pitcher // Early Stories. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – pp. 82 – 87.
24. Gogol N. The Government Inspector / translated from the Russian by C. English // Selected Stories. – Moscow: Raduga Publishers, 2000. – pp. 15 – 111.
25. Gogol N. The Government Inspector / translated from the Russian by S. Mulrine. – London: Nick Hern Books, 2005. – 104 p.
26. Kipling R. Baa Baa Black Sheep // The Man Who Would Be King and Other Stories. – Herefordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1994. – pp. 153 – 175.
27. Palahniuk C. Survivor. – London: Vintage, 2003. – 289 p.
28. Tchekhov A. Children / translated from the Russian by C. Garnett // The Cook's Wedding and Other Stories [электронный ресурс]. – Режим

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/scienceak.html>

доступа: <http://www.ebooksread.com/authors-eng/anton-chekhov/the-cooks-wedding-and-other-stories-8-7.shtml>.

29. *Tolstoy L. Childhood* / translated from the Russian by C.J. Hogarth

[электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.gutenberg.org/files/2142/2142-h/2142-h.htm>.

30. *Vonnegut K. Mother Night*. – New York: Dell Publishing, 1999. – 268 p.